

1

По поводу Елены Петровны Блаватской */

/Летучия мысли по Теософии/.

Джоржа Мида.

Любящих меня я /мудрость/ люблю, и ищущие меня найдут меня.

Притчи Соломона 111, 17.

Где есть тайна, там предполагается обыкновение и зло.

Байрон.

Обратимся мысленно к той женщине, без которой не было бы - по всей вероятности - никого теософического движения, как мы понимаем его. Разсмотрим легкомысленно задаваемый вопрос: "Верите ли вы в Блаватскую"?

Для меня этот вопрос звучит странно, и даже - если позволено так выразиться - вульгарно. "Блаватскую"? Никто из знавших ее не позволял себе называть ее так безцеремонно. Даже для своих врагов она была при жизни, или по крайней мере Н.Р.

; тогда как для друзей и почитателей она была или Н. Р. В. /Эч Пи Би/, или "Старая Лэди", что дало повод одному из моих друзей с'острить, что-было бы крайне неудобно, если бы она была он ***/.

Когда такой несообразный вопрос предлагается нам, каким образом мы, близко знавшие ее, можем отвечать на него, оставаясь вполне добросовестными и одинаково далекими как от слепого предубеждения, которое, воображая себя непогрешимым, выкрикивает как попугай: "обманщица! фокусница"! так и от еще более неприятного - лично для меня - слепого обожания, которым одно время отличались многие теософы, создавшие нечто вроде священного клича: "Эч-Пи-Би сказала"! Было время, когда эта "мантра" являлась спасением от всякого зла и разрешением самых сложных проблем. К счастью, этот вид уклонения от здравого смысла сошел уже давно со сцены.

Единственный ответ, который большинство из современных членов Теософического Общества могло бы дать на подобный вопрос, можно выразить приблизительно так:

*/ Эта статья помещена в " "Апрель, 1904 г.
***/ Игра слов, основанная на том, что англичане дают название сатане.

Прим. перев.

"Мы никогда не знали госпожу Блаватскую лично, а в виду совершенно противоречивых заявлений со стороны ее друзей и врагов нельзя и ожидать, чтобы мы могли правильно ответить на вопрос, который сбивал с толку даже самых интимных ее друзей, и разрешить загадку, столь же непостижимую, как тайна древнего сфинкса. Мы знаем одно, что несмотря на нелепые обвинения и оскорбления, которыми в течении почти четверти века забрасывали имя этой женщины, основы Теософии стоят так же непоколебимо, и это потому, что они совершенно не зависят от г-жи Блаватской. Нас интересует Теософия, а Теософии сохранила бы неизменно и свою силу, и свою благую помощь, осталась бы неиссякающим родником для изучения и благороднейшим из всех путей, если бы даже оказалось возможным - чего не случилось - доказать, что Елена Петровна Блаватская была тончайшая фокусница и величайшая обманщица своего века.

Загадочность Е.П. Б. для всех, кто ее знал даже самым интимным образом, не разрешима, как в этом может убедиться каждый читатель, который захотел бы познакомиться с объективным и вполне правдивым отчетом, данным ее ближайшим многолетним сотрудником Генри Олькоттом в его дневнике. Никто не давал такого верного портрета Е.П.Б. как наш президент; это - отчет безусловно честный, ничего не скрывающий, рисующий смелыми линиями образ той, которая для меня лично была соединением самых необъяснимых противоречий. И несмотря на это, я любил это поражающее смешение мудрости и безумия; этого сфинкса, любившего прикрываться веселой шуткой, этого энергичного пионера истинно духовного движения, которая с виду так мало была способна на такую роль, не только по той радости, с которой она переступала через все границы общественных условностей, но и потому, что весь ее облик резко противоречил всем установленным признакам духовного учителя; я любил эту удивительную натуру, приводившую порой в отчаяние самых преданных своих друзей и, несмотря на это, остававшуюся для меня самым увлекательным существом, когда-либо виденным мною на земле.

Что же касается до знаменитого "Отчета Общества Психических Исследований", когда меня спрашивают о нем - хотя должен признаться, что это бывает очень редко в настоящее время - ответ мой бывает приблизительно следующий.

Верящие в этот Отчет утверждают, что Е.П. Блаватская была обманщицей, но ведь они не знали ее лично, точно также не знал ее и комитет Общества Психических Исследований, признавший Отчет следователя Ходжсона. И даже сам следователь, по приезде в Мадрас, пользовался данными, полученными от посторонних лиц, а на них-то он и построил свою теорию. Таким образом, все это - сведения из вторых рук, и сам следователь основывается не на личных непосредственных наблюдениях. Подобно следователю Ходжсону и подобно всем, верящим в его теорию, я тоже не был там; следовательно и я не обладаю данными из первоисточника. Я могу только опираться на обильные письменные свидетельства и еще более многочисленные устные показания ее друзей, бывших в Адьяре, которые все говорят в пользу Е.П. Б. Все эти показания лично присутствовавших свидетелей совершенно уничтожают обвинения двух только что рассчитанных слуг; обвинения эти были приняты миссионерами, а позднее они же были пущены в ход следователем О.П.И., который в те времена был очевидно незнаком даже с самыми элементарными психическими явлениями и предпочитал исчерпать всевозможные гипотезы обмана, вплоть до самых нелепых, прежде чем допустить малейшее сомнение в пользу г-жи Блаватской.

Но с тех пор произошла такая перемена в понятиях самого Об-ва П. И. относительно психических явлений, и сам г-н Ходжсон так фундаментально изменил свое отношение к ним, благодаря позднейшему личному опыту */ , что было бы странно и совершенно несовместимо с здравым смыслом предпочитать его неопытную гипотезу относительно Е. П. Блаватской многолетним показаниям в ее пользу, которые давали и не перестают давать ее многочисленные друзья во всех странах света.

Да, могут сказать подпавшие под влияние этого прославленного Отчета, - но все они были введены в заблуждение, и все были под гипнозом. Ей, по показаниям Отчета, помогали многие искусные сообщники во всех частях света: все это была хитрая система надувательства.

Да, в этом - центр тяжести всех гипотез, выставленных Отчетом; всегда и везде -

* / В спиритическом журнале _____, за 5 января 1907 года, № 1350, приводятся подлинные слова Ходжсона, сказанные им полковнику Бунди, издателю "_____" . "Я считаю вполне вероятным, что не пройдет много времени, как появятся многие ценные доказательства в пользу заявления спиритов, что для наших умерших друзей возможно познакомить нас с своим загробным существованием. Я убежден, что такое сообщение возможно". Замечательное признание для человека, основывавшего все свое следствие над Е.П. Блаватской на отрицании возможности сверхфизических явлений. Прим. перев.

-сообщники, западни, потайные двери, гипнотизм и там далее. Все на свете, только не простое предположение, что Е. П. Блаватская могла, хотя бы по временам, обладать свойствами обыкновенного спиритического медиума! Нет; необходимо было доказать, что она была даже ниже медиума, что она не могла быть ничем иным, как обманщицей чистой воды во всех отношениях. Даже самый равнодушный наблюдатель, и тот при таких условиях почувствует желание воскликнуть:

! Вы поставили перед нами образ плутоватой фокусницы с тщательно приготовленными и искусно задуманными сюрпризами, выполненными ее хитрыми сообщниками; правда, что этот сонм сообщников никогда не был привлечен к суду; все они исправилась в невидимое пространство, и даже не метафорически; если только не допустить, что они и не существовали нигде, кроме невидимого пространства: не даром же Е. П. Б. называла их "элементалями"?

Но как бы то ни было, для себя лично я всегда предпочитал сведения из первых рук. Поэтому, в противоположность всем, принявшим на веру упомянутый Отчет, я исследовал Е. П. Блаватскую, если позволено так выразиться, из первых рук. В течение трех лет я в полном смысле не отходил от нее; я работал с нею в величайшей интимности и был ее личным секретарем.

Образ, который нарисован в Отчете под названием Е. П. Блаватской, самым решительным образом противоречит всем моим личным наблюдениям над нею, и потому мне не остается ничего иного, как признать этот Отчет совершенно неприемлемым для себя.

Я пошел к ней через три года после опубликования Отчета, когда еще раздавались громкие его отголоски и недоверие к ней еще висело в воздухе; ибо широкая публика тех дней, не верившая в возможность психических феноменов, естественно склонялась к обвинению Е. П. Б. без всякого расследования. Я пошел к ней со всеми тщательно разработанными гипотезами Отчета в моей голове; иначе и быть не могло. Но достаточно было нескольких месяцев непосредственного знакомства с Е. П. Б., чтобы убедиться, до какой степени самые несовершенства ее характера делали для нее невозможным всякий заранее обдуманый обман, если бы она даже и желала обманывать; не говоря уже о хитроумных фокусах, связанных с разными механическими изобретениями и с действием ловких сообщников.

Она очень часто была совсем не мудрая в своей манере говорить, и когда гневалась, говорила необдуманно все, что ей приходило в голову, не обращая внимания на то, что ее могли услышать посторонние. Она, повидимому, не придавала ни малейшего значения тому, что могут подумать о ней, и иногда обвиняла себя во всевозможных грехах, ошибках и проступках, но никогда, ни при каких обстоятельствах, даже в самых необузданных настроениях своих, не вырвалось из ее уст ни единого звука, который мог бы подтвердить обвинения г. Ходжсона. Я твердо убежден, что если бы она действительно была причастна к вещам, в которых ее обвиняют, она не могла бы не выдать - в одном из взрывов своего бурного темперамента и своей удивительной откровенности - каким-либо брошенным словом или намеком свою преступную деятельность. Две вещи в хаотическом богатстве ее природы оставались непоколебимо твердыми для всех знавших ее близко: первая - что ее Учителя действительно существовали, и вторая - что она никогда не обманывала.

Но непримиримые могут сказать: о, она была слишком хитра для вас; и кроме того, она околдовала вас.

У непримиримых остается конечно привилегия высказывать все, что продиктует их фантазия: несравненно легче сохранять кажущуюся мудрость и воображать вещи такими, какими желаешь их знать, чем - подобно мне - разрешать действительную загадку, которая ежедневно стояла перед моими глазами в течение более трех лет. Но еще более загадочным, чем сама Е.П., был для меня ее литературный труд, который происходил на моих глазах и каждую страницу которого мне приходилось перечитывать, а некоторые части и самому издавать.

Но что для меня лично было неопровержимым доказательством Е.П., это - совершенно об'ективная вещь, которую невозможно устранить, досадливо отмахиваясь от ее психологического значения. На основании проверенных об'ективных сведений, я имею все основания быть убежденным, что Е.П. приняла меня в сотрудники без малейшего предварительного расследования моей личности. Я легко мог оказаться тайным эмиссаром ее врагов, и это могло быть тем легче, что я наверно знал, как много шпионов приходило к ней. Во всяком случае, будь она причастна к обманам,

она должна была знать, как опасно допускать неиспытанного человека в самую интимную свою среду. Но она не только сделала это, она буквально подавляла меня полнотой своего доверия. Она передала мне все свои ключи, доверила мне все свои рукописи, свой письменный стол и все выдвижные ящики стола, в которых держала свою самую интимную корреспонденцию; мало того, желая продолжать свою работу в покое, она кончила тем, что категорически отказалась от своей обширной корреспонденции и передала мне все ведение ее, предоставив даже право первому распечатывать все ее письма. Она не только метафорически, но иногда и действительно бросала оскорблявшими ее посланиями прямо в меня. Мне поручалось не только распечатывать и читать все ее письма, но и отвечать на них как я вздумаю, ибо эта странная старая леди требовала с громкими криками, чтобы ее освободили от писания писем и оставили в покое, что она желает писать свои статьи и книги, и она приходила каждый раз в великий гнев и выгоняла меня вон, когда я надоедал ей, просьбой ответить на какое-либо неотложное письмо, или дать мне по крайней мере идею, как отвечать от ее имени.

Я не хочу этим сказать, что, получая ежедневно большое количество писем, из которых многия содержали интимные мысли людей, стремившихся к ней буквально со всех концов света и доверявших ей всевозможные тайны своей внутренней жизни */ , - она была права, когда доверяла эти письма молодому человеку, сравнительно, неопытному в жизни и часто совершенно неспособному разобраться в них. Я часто бывал в чрезвычайно затруднительном положении, когда мне приходилось вторгаться в логовище льва - ибо старая леди была из самой настоящей львиной породы - и настаивать, развертывать перед ее глазами самые нужные из полученных писем, вызывая в ней все усиливающуюся досаду, которая нередко кончалась периодическими взрывами, когда оба-

* / Когда ее жесточайшие враги делали на нее нападения, те самые, которые изливали перед ней свои интимные тайны, - тогда она нередко восклицала в моем присутствии: "Боже, как они должны уважать меня!" И действительно, все знали, что она не воспользуется оказанным ей доверием для самозащиты.

и корреспонденция и секретарь посыпались в преисподнюю, и только в конце концов дело кое-как улаживалось, и мы мирились на каком-либо взаимном соглашении.

Тогда я роптал, но теперь я радуюсь, потому что благодаря этому обстоятельству я получил в короткое время столько жизненного опыта, сколько пришлось бы приобрести в течение долгих лет. Но мне казалось, и теперь кажется, что такое отношение к корреспондентам было несколько жестоко, если не считать, что во многих случаях глупости требовали и соответственного ответа, и что я в то время был полезным орудием для ведения этой стороны ее корреспонденции.

Но как бы то ни было, все это убедило меня непоколебимо и навсегда, что, чем бы ни была Е. П. Блаватская, — обманщицей или фокусницей она ни в каком случае быть не могла, ибо она ничего не скрывала. Для женщины, которая, если верить главной гипотезе отчета О. П. И., имела сообщников во всем мире и вела жизнь интригующей и скандальной искательницы приключений, было бы не только невероятной смелостью, но и положительным безумием проводить всю свою корреспонденцию через руки третьего лица, и даже предварительно не распечатывая адресованных ей писем.

Все это, и еще многое другое убеждает меня неопровержимо, что Е. П. Блаватская не была обманщицей, по крайней мере несомненно не была таковой, пока я ее знал, и по всей вероятности никогда не была обманщицей и в прошлом, когда я ее не знал. В одной вещи я убежден несомненно, что я знаю несравненно больше Е. П. Блаватскую, ее жизнь и ее деятельность, чем те члены О. П. И., которые нестойчиво делали все возможное, чтобы опозорить ее в глазах всего мира, и что их гипотезы до смешного недостаточны для того, чтобы разгадать этот сфинкс XIX столетия. Е. П. Блаватскую, которая по самому скромному расчету была не менее интересна, чем целая дюжина различных медиумов, на которых О. П. И. потратило так много своей энергии; нет, подобным гипотезам не об'яснить ту, которая открыла перед нами так много окон в великий простор вселенной, бывших наглухо закрытыми до нея и из которых ни одно уже не закроется снова; в последнем поручке сам главный ее поноситель из числа членов О. П. И., жизненный опыт которого все более подтверждает ее же учения *//.

*// См. примечание по поводу Ходжсона, которого автор имеет в виду.

"Верите ли вы в Эч Пи Би? - Да, я верю в Эч Пи Би. Что же касается г-жи Блаватской, то я приблизительно такого же мнения о ней, какого была и она сама, ибо она резко отличала одну от другой; и тем не менее, я с негодованием отвергаю нелепую попытку об'яснить и личность г-жи Блаватской вульгарными обвинениями в шарлатанстве. Я твердо верю в Е.П. Блаватской, но более всего на свете, всеми силами моей души, верю в великия идеи, за которые она боролась, в глубокия мистерии, провозвестником которых была она. Хотя я и предпочитаю излагать их по своим собственным линиям мысли и доказывать их иначе, чем это делала она, т. к. нередко расхожусь с ее методой и приемами.

Е. П. Б. была переполнена несовершенствами, так же, как и мы все, но при этом она обладала величием. Вот почему и самые несовершенства ее указывали на очень большие размеры души, - а когда она касалась высот, это были действительно очень большия высоты. В ней было временами нечто колоссальное, титаническое, можно даже сказать - космическое: и иногда мне приходила причудливая мысль, что она не принадлежит к нашей планете и совсем не соответствует масштабу нашей эволюции. И в самом деле, кто разгадает тайну Е.П. Б? Есть ли такая вещь, которой бы она не касалась по временам? В ней - сложная личность соприкасалась с многоликостью настолько же сложной, как и вся человеческая природа, всеми своими гранями отражившаяся в ней!

Поверхностным критикам я, пожалуй, готов подарить признание в недостатках ее писательской манеры, склонной к словопрениям; верно и то, что она не была патентованным ученым, не проходила даже правильного курса обучения в колледже или университете; ученые труды были ей чужды, и она едва ли проделала хотя бы один опыт в химической лаборатории; она не была математиком *****, не была ученым философом,

***** / Ее любимый способ счета был - по пальцам; однажды, когда она писала одну из глав "Тайной Доктрины", она позвала свою племянницу и обратилась к ней - приблизительно - с таким словом: "ну ка, поди сюда, милочка! ведь ты у нас математический пандит: куда нужно поставить запятую? Я совершенно уверена в знаках, но не могу разглядеть, куда приходится проклятая запятая"? Речь шла о п/отношение окружности к диаметру/ и каждый, кто читал учения исследования по этому вопросу в "Тайной Доктрине", будет вероятно очень удивлен, что автор до того мало знал по математике, что недоумевал, куда поставить запятую!

и не могла бы, по всей вероятности, определить разницу между положениями Канта и Шопэнгауера, если бы ее спросить о том; - и тем не менее, она писала обо всех этих вещах, и часто с величайшей проницательностью.

Все это я охотно уступаю плохо расположенному критику; но все это неважно и принадлежит к области, подлежащей изменению и уже изменившейся до некоторой степени, так как наука сильно выросла в последние годы и отрицает многое из того, что отрицала и она, и утверждает многое, что она утверждала двадцать лет назад. Но гигантский обхват общего плана мироздания, титанических взмахом очерченный мировой процесс, нагромождением гипотез на гипотезы, пока ее умозрительные Оссы и Пелионы не достигали высочайшего из небес, той свежей атмосферы жизненности и реальности, которой веяло всегда от ее величавых изложений, всего этого достаточно, чтобы на долгие времена прославить ее имя. Она была настоящим титаном в толпе смертных; она указала истинный путь и мне, и многим другим, и вот за что мы любим ее. Продолжая идти по этому пути, мы знаем что указанное ею направление было верное. Правда, наш титан обладал лишь стихийными свойствами, чем впрочем, отличаются и все титаны, но когда кладутся основы, нужны гиганты, когда же идет гигант, он не может не опрокидывать идолов, разставленных на алтарях пигмеев.

Теперь я перейду к предмету, в котором понимаю по всей вероятности не менее самых компетентных критиков Е.П. Б. - именно, к ее литературным трудам. Я с величайшим вниманием читал все, что она писала; многое мне пришлось самому издавать, многое я перечитывал по нескольку раз; думаю, что не совершая никакой нескромности, имею право сказать, что никто не знает лучше меня тех книг, из которых она брала цитаты, и того применения, которое она делала из этих цитат. Совершенно верно, что большинство ее цитат принадлежит более или менее средним векам или даже первым ^{векам} христианства; допустим это полностью, хотя я должен прибавить, что в этом отношении замечается склонность к преувеличению. Но то, что я нахожу самым интересным из всех ее писаний, как раз и не принадлежит к источникам, известным нам, и вот это то обстоятельство и представляет для меня самое главное в загадочности Е.П.Б. Я постоянно задаю себе вопрос: откуда могла она брать свои сведения,

повидимому переводы текстов и комментариев, оригиналы которых совершенно неизвестны западному миру?

Приблизительно десять лет назад, покойный профессор Макс Мюллер, которому все любители священных книг Востока обязаны величайшей благодарностью, напечатал чрезвычайно интересную серию лекций под заглавием Теософия или Психологическая Религия. Я подробно разобрал эти лекции в трех статьях, помещенных в

Маститый профессор прислал мне по поводу этих статей любезное письмо, не соглашаясь со мной лишь в одном или двух местах, и затем мы обменялись несколькими письмами. В одном из них он выразил удивление, что я, по его мнению, расточаю то, что он любезно назвал моими талантами, на "Теософию", тогда как все поле ориентализма лежало открытым передо мной, и я, по его лестному предположению, мог с пользой для дела работать на нем; но более всего его удивляло /и он просил об'яснения/, почему я отношусь так серьезно к этой шарлатанке, г-же Блаватской, наделавшей столько вреда истинным ориенталистам своими пародиями на Буддизм и Веданту, которые она перемешала с западными идеями. Вся ее Теософия, по словам профессора, лишь подогретое блюдо из плохо понятых переводов санскритских и палийских текстов.

На это я ответил, что, имея в виду служить одной лишь истине, я сделаю все возможное, чтобы довести его доказательства до сведения всего теософического мира, если он убедит меня, что Теософия г-жи Блаватской лишь невежественная обработка санскритских и палийских текстов, ибо я конечно не хочу посвящать свою жизнь "мошеничеству", - эпитет, который профессор однажды употребил на конгрессе ориенталистов по адресу "Эзотерического Буддизма" *У. В виду этого, я просил его сделать мне любезность и указать те оригинальные тексты на санскритском, палийском или ином языке, которые легли в основу Стансев Дзиан / / и их комментариев в Тайной Доктрине, или же те тексты, из которых г-жа Блаватская составила три трактата, обнародованные ею под заглавием Голос Безмолвия ** / . Я сам,

* / Книга Синетта, одна из первых попыток изложить божественное творчество с эзотерической точки зрения. Прим. перев.

** / Имеется в русском переводе. Издание 1908 г. Перевод Е.П.

в течение многих лет, разыскиваю какие либо следы оригиналов или по крайней мере отрывки, сходные с ними, и до сих пор не нашел ничего подобного. Если бы мы могли добыть оригиналы, больше ничего и не требовалось бы, мы имели бы в руках то, что нам нужно.

На это профессор Макс Мюллер ответил коротким письмом, указывая в нем на два стиха из Голоса Безмолвия, которые, по его мнению, носят печать западной мысли и этим доказывают подделку.

Я ответил на это письмо, выразив свое огорчение, что профессор так и не указал текстов, на которых основаны изречения "Голоса Безмолвия" или "Книги Дзиан"; но что, тем не менее, я прошу позволения опубликовать его критику, предоставляя себе право прибавить к ней и свои примечания.

На это профессор прислал немедленно ответ, в котором просил, чтобы я не делал этого и поскорей возвратил его письмо, т. к. он желает написать нечто более достойное нашего Обозрения. Я конечно возвратил ему письмо, но с тех пор я тщетно жду обещанного доказательства, что Е. П. Б. в этом удивительном литературном творчестве была не более, как жалкая кропательница, из обрывков плохо понятных переводов мастерившая фантастический наряд, годный лишь для сумасшедших. И я могу прибавить к этому, что мой вызов остается в полной силе для всех ориенталистов, которые пожелали бы поддержать забавные, на мой взгляд, препирательства покойного Несведущего ориенталиста.

Я с полной обдуманностью даю этим произведениям Е. П. Б. название удивительного литературного творчества, и не с точки зрения энтузиаста, несведущего в восточной литературе и незнакомого с великими космогоническими системами прошлого или с Теософией мировых религий, - а как зрелое суждение человека, который в течение почти двадцати лет специально изучал именно эти вопросы. Точно также нельзя допустить, чтобы Стансы и их Комментарии, а также и Стривки из так называемой книги "Золотых Правил" /Голос Безмолвия/ могли быть отнесены к медиумической литературе: они совсем не похожи на эту последнюю и принадлежат к совершенно иному роду творчества.

Стансы представляют собою космогенезис и антропогенезис, которые своим величавым об'емом и всеми подробностями оставляют далеко позади себя все существующия повествования подобного рода; в них нельзя признать только талантливое сочетание различных архаических отрывков, сохранившихся в священных книгах и у классических авторов; в них видна своя собственная индивидуальность, и в то же время, оне носят на себе явственную печать древности и свидетельство о мировом порядке, который западным миром считался давно уже упраздненным. Далее, Стансы заключены в атмосферу комментариев, повидимому переведенных или пересказанных с древних восточных наречий, и оне производят общее впечатление такой несомненной подлинности, что ученому, ^опреодолевшему свое предубеждение настолько, чтобы приняться за изучение их, весьма трудно не признать эту подлинность.

Что касается трех Отрывков из книги Золотья Правила, /Голос Безмолвия, семь Врат и два Пути/, содержание их заставляет думать, что они принадлежат к числу трактатов буддийской школы мистиков, и на них также лежит несомненная печать подлинности во всем, вплоть до признания в сектантском характере. Гораздо труднее поверить, что мы имеем перед собою подлог, задуманный в западном мозгу, чем предположить, что отрывки эти, если и не буквальные переводы, то по крайней меревольная передача подлинных документов, принадлежащих, может быть, школе Агуа-вероятнее всего проповеди для учеников, вступивших на Путь.

Когда спрашиваешь людей, которые громко обвиняют Е.П.Б., читали ли они Тайную Доктрину или Голос Безмолвия? они почти все без исключения отвечают: "О, я не стану ломать себе голову над писаниями женщины, которая была обманщицей;" или: "Нет, я этого не читал; к тому же я не специалист в восточных литературах, но профессор Макс Мюллер в "Деятнадцатом Веке" и т. д. и т. д.

Все это говорит скорее в пользу Е.П.Б., чем против нее, ибо нужно обладать совершенно исключительными свойствами, чтобы вызнать такое слепое предубеждение в людях, во всех других отношениях благонамеренных. Загадочность Е.П.Б., которую не только один отчет О.П.И., но даже и тысячи таких отчетов не могут разрешить, ставить перед нами - среди других загадок - и такой вопрос: откуда получила Е.П.Б. все эти сведения?

Какая простейшая гипотеза могла бы ответить на этот вопрос? Если допустить, что она была спиритуалистическим медиумом, тогда этот термин придется расширить до необъятных размеров, придать ему значение великого внутреннего достоинства и поднять его на высоту благороднейшей гениальности, ибо ничто ниже этого определения не сможет удовлетворить непредубежденного исследователя.

Я испробовал самые разнообразные предположения, делал всевозможные комбинации из всех гипотез, которые мне были известны или которые я сам придумывал, чтобы объяснить эти поистине великия вещи в литературной деятельности Е.П.Б., и я должен сказать, что единственное объяснение, выдерживающее критику, состоит в том, что вещи эти были ей продиктованы или психически запечатлены живыми учителями, большинство которых она знала физически. Верно и то, — как она и сама признавалась, — что, по временам она перепутывала некоторые подробности, но она стремилась сделать все, что было в ее силах, и по большей части преодолевала самые большие трудности.

Одним из самых интересных фактов во всей этой загадке было то, что она сама наслаждалась красотой своих учений и поражалась их широким обхватом не менее, чем все окружавшие ее. Если бы она сама изобрела их — нередко говорила она своим близким — то она была бы мировым гением и великим учителем, вместо того, чтобы быть несовершенной слугой, вся задача которой — показать, что есть истинные учителя, которым следует служить. От этого заявления она не отступала никогда. Несомненно, что она кое-что не ясно слышала, а некоторое передала несовершенно, потому что она вечно была больна и измучена, вечно была предметом нескончаемых нападений, предательств и неблагодарности. Все это, вместе взятое, в довершение к ее и, без того огненной и бурной натуре, делало еще более удивительным, что так много было ею выполнено и сравнительно так мало не dokonчено. Силы, справившиеся с такой большой задачей, должны быть очень велики, и может быть, они послужат для нас мерилom того, что может быть совершенно западным умом, когда представится и тому необходимость, и в то же время все сделанное Е.П.Б. опровергает вкоренившееся убеждение, что для духовного просветления необходима жизнь созерцателя.

Е.П.Б. была воином, а не жрицей, скорее пророчицей, чем наставницей, и, кроме того, она была орудием, которое должно было вызвать в человеческой памяти многое из того, чтобы наиболее святого и мудрого в древности,

Я уверен, что в этой жизни уже никогда не увижу ничего подобного ей; она вызвала во мне чувство соприкосновения с чем-то-огромным титаническим... Нередко я задавал себе вопрос: принадлежит ли вообще это странное существо к нашему человечеству? - а между тем она была так необыкновенно человечна и так полна любви. Не сбежала ли она с какой-либо другой планеты? Кто знает?!

Никто из нас, знавших и любивших ее, не сможет дать определенный ответ на вопрос: кто была Е.П.Б.? Она остается нашим сфинксом, нашей тайной, нашей любимой, "Старой Лэди". Она не была учителем в обыкновенном смысле слова, и у нее не было ни малейшего намерения давать методические, приведенные в систему знания; она не выносила даже самой мысли о роли духовного или этического учителя, она ненавидела всякия почести и буквально содрагалась при попытках торжественно чествовать ее; помню, как она закричала в неподдельном страхе, когда один из восторженных поклонников собирался опуститься перед ней на колени.

Нет! Она была гораздо более того, ибо она была тем естественным огнем, от которого зажигался наш энтузиазм, наше стремление к более обширной жизни мира; она была той яркой силой, которая, углубляя наше самопознание, проводила глубокия борозды в нашей душе; она вызвала в нас тягу домой, на настоящую родину, человека, которую она прославляла, как истинный бард. Всем этим она была по временам, тогда как по временам, она же способна была вызывать в наших умах замешательство.

Прошло 13 лет с тех пор, как Е.П.Б. покинула свое многострадальное тело, а между тем с годами моя любовь к ней лишь увеличивается, и я постоянно возвращаюсь к ней и к делу ее жизни, чтобы почерпнуть из этого воспоминания новое вдохновение; чтобы оживить то чувство величия и широкого настроения, и ту свежую атмосферу свободы и отсутствия всяких условностей, которые для меня, лично соединились с весенним временем, с периодом роста и расторжения всех оков, с напором жизненных

соков, когда молодые ростки вырываются из семени, чтобы с силой проложить себе путь к свету и жизни. Такова была ее мужественная жизнь, широта ее взглядов, живость ее отзывчивости, дух товарищества, жизнь на бивуаках той чудной ранней поры - вот что заставило кровь обращаться быстрее по жилам и нервы напрягаться для горячей работы и для стремительного движения навстречу областям все более и более далеким и манящим...

Но почему я, который никогда не увлекался культом героев, позволяю себе с таким энтузиазмом писать о моей "оккультной теще", как она юмористически называла себя? Не знаю; может быть потому, что собирался дать несколько беглых мыслей по Теософии, а мои мысли часто возвращаются к той, которая поставила меня на Путь, и когда я начал писать о ней, невольно ожили во мне более глубокие чувства, которые я не имел намерения пробуждать.....

Пер. Е. П.